

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

М.А. ФЕЛЬДМАН

Конец “романтической эпохи” (дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, формах и методах “социалистической” модернизации)

В статье дан анализ драматических событий на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), ставших апогеем внутрипартийной дискуссии 1928–1929 гг. Сделан вывод о том, что на Пленуме, как и на трех предшествующих, проходило столкновение двух направлений, фракций в правящей партии, а не борьба с “правым уклоном”. Отмечено, что, несмотря на поражение, “правым” удалось изложить свою программу модернизации страны, указать на негативные последствия реализации леворадикального курса И. Сталина. Выявлены причины поражения сторонников рационального пути строительства нового общества.

Ключевые слова: пленум, партия, правые, уклон, коллективизация, индустриализация, альтернатива, экономика, рабочие, планирование.

DOI: 10.31857/S086904990005092-3

Вопрос о возможности развития советского общества на основе “новой экономической политики” в исторической литературе начала XXI в. получил преимущественно отрицательный ответ: по мнению многих авторов, альтернативы сталинской модернизации в СССР в конце 1920-х гг. не существовало (см., например, [Есиков 2010]). Фактически не приходится говорить о какой-либо дискуссии: утверждения о безальтернативности сталинской мобилизационной модели встречают в современной исторической литературе редкие возражения частного характера. При этом вне поля исследований остаются такие основополагающие факторы, как: анализ внутренних финансовых ресурсов экономики Советского Союза в конце 1920-х гг.; содержание экономической мысли тех лет; характер дискуссии о вариантах Первого пятилетнего плана на пяти съездах советских экономистов в 1926–1929 гг.; ход и конкретика борьбы партийно-государственной элиты в своеобразном советском “квазипарламенте” – на четырех Пленумах ЦК ВКП(б) в апреле 1928–апреле 1929 г. Недостаточно изучен и потенциал такого масштабного документа, как Первый пятилетний план и его воздействие на весь ход государственного управления и конкретные процессы социально-экономического развития СССР. Редким исключением являются публикации, раскрывающие реальную картину планирования в то время [Маркевич 2004].

Ф е л ь д м а н Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Все это явно сужает диапазон изучения проблемы и лишает ученых возможности уйти от односторонних оценок. Обращение к малоизученным темам – работе пяти съездов работников Госплана и комплексной оценке материалов трех Пленумов ЦК 1928 г. – позволило мне выдвинуть гипотезу о наличии в нэповской экономике необходимого потенциала для ускоренной модернизации СССР, а внутри советского управленческого социума – сил, способных провести эту модернизацию без кардинальной ломки существующей социальной структуры и людских потерь.

Объектом исследования в данной статье стала дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), справедливо названная “апогеем” споров в партийно-хозяйственной элите СССР о выборе пути, форм и методов социалистической модернизации [Как ломали... 2000]. Предметом же исследования выступают варианты политического поведения участников заседаний Апрельского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Вводя термин “апогей”, В. Данилов, Ю. Ватлин и О. Хлевнюк имели в виду прежде всего окончательную развязку борьбы сталинистов и так называемых “правых”. Думается, однако, акцент должен быть сделан на ином: эволюция проектирования индустриальной динамики в СССР вышла на уровень принятия пятилетнего плана, возводящего на уровень государственного закона пропорциональное и сбалансированное развитие частного и общественного секторов экономики; увязку регионального и отраслевого потенциалов; подготовку квалифицированных кадров и развитие производительных сил.

В то же время невиданный ранее масштаб советского экономического и социального проектирования вошел в явное противоречие с утопическим и волонтеристским подходом к государственному управлению, также имевшим свою специфическую логику развития: историческая память об Октябрьском перевороте 1917 г. превратилась в мифологическую концепцию “великой социалистической революции” – “главного события” всемирной истории. Подобная концепция, коррелируясь с коминтерновским курсом на подготовку “мировой социалистической революции”, вносила во внешнеполитический курс СССР элементы имперской политики. Идея “классовой борьбы”, подпитываемая множеством фактов о трудовых конфликтах из практики НЭПа, рассматривалась частью партийцев основополагающей для всех сфер жизни советского общества.

Столкновение этих двух тенденций – главное событие истории СССР конца 1920-х гг. Начавшись как борьба двух группировок в руководстве партии и государства за отмену “чрезвычайных мер” в сельском хозяйстве либо за превращение их в доминанту экономической жизни, внутрипартийная борьба вышла на развилку двух стратегических дорог: свертывание НЭПа и утверждение командно-административной экономики, или выход на новый виток сосуществования государственного и частного секторов народного хозяйства. Это был действительно апогей – выбор пути, форм и методов строительства нового общества.

Нарастающая ожесточенность столкновения мнений на четырех Пленумах ЦК ВКП(б) в апреле 1928–апреле 1929 г. подводила черту под уходящей “романтической эпохой” 1922–1927 гг., временем “классического” НЭПа. Сам термин – “романтическая эпоха” – может вызвать отторжение у специалистов, изучавших масштаб насильтственных действий чекистов в указанный период [Красильников 2017]. Конечно, ни система советских органов власти “снизу доверху”, ни Кодекс о труде 1922 г., ни аграрное законодательство 1920-х гг., ни положение советских профсоюзов, сохранивших до 1928 г. относительную автономность поведения на рынке труда (даже при наличии у названных институтов некоторых элементов демократического саморазвития), не меняли авторитарного характера советского государства того десятилетия.

Тем не менее в составе государственной политики правовые нормы и социальные программы (при всей их бесспорной ограниченности) до 1928 г. во многом еще сдерживали инструментарий повседневного насилия. Представления о социализме как о свободном демократическом обществе доминировали в сознании той части большевистской элиты, в которой профессиональные революционеры составляли устойчивое ядро [Модсли, Уайт 2011], а политический курс определялся в ходе масштабных и открытых дискуссий на съез-

дах и Пленумах ЦК партии, отражавших не только марксистские представления о будущем, но учитывавших эволюцию экономической мысли того времени, демонстрирующую определенную самостоятельность. Так, в журнале “Вопросы труда” в 1922–1928 гг. удалось познакомить читателя с основными достижениями социальной политики в странах капитализма, а журнал “Плановое хозяйство” освещал успехи технико-экономического развития ведущих буржуазных стран, включая, например, планы регионального развития.

“Романтическая эпоха” послеоктябрьского десятилетия по-разному отразилась в общественном сознании социальных низов и слоя управленцев: ведь “массовые настроения” включали как простые спонтанные эмоции, так и ясно сформулированные осознанные мнения, обсуждаемые значительными группами [Великанова 2017]. Чертты романтизма Б. Илизаров обнаруживает у И. Сталина и его соратников в “искреннем стремлении найти новые общественные формы, исключающие чрезмерную эксплуатацию человека человеком” (правда, находка помещена автором в разделе статьи под названием “утопические элементы сталинского проекта”) [Илизаров 2011]. Очевидно, что и в “романтическую эпоху” воздействие науки, научных представлений на политических деятелей носит выборочный характер, оставляя широкий простор для субъективных выводов и суждений.

При анализе вариантов политического поведения участников заседаний Апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. были использованы методики, предложенные Е. Осокиной. Рассматривая отношения внутри советского общества в сталинский период как социально-культурологический и антропологический феномен, она выделила категории активного (реального, организованного) и пассивного (стихийного, неорганизованного) сопротивления наступлению сталинизма [Осокина 2011].

Варианты поведенческого конформизма, инструменты конформизации в 1920-е гг. были изучены С. Яровым [Яров 2006]. Указанный методический инструментарий позволил следующим образом систематизировать выступления “цекистов”: проявления осознанного сопротивления сталинизму; сопротивляемость ряда участников как форма социального иммунитета; случаи конформизма, покорность власти.

Материалы Апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. [Как ломали… 2000] представляют собой по-своему уникальный документ. В нем сочетаются страницы, воссоздающие атмосферу нэповской эпохи, с дискуссиями, в ходе которых звучали и совершенно иные “аргументы” – спланированные проработки с масштабным использованием клеветы и лжи, зажим любой критики и недопустимость малейшего отклонения от “генеральной линии” партии.

На Пленуме, проходившем с 16 по 23 апреля 1929 г., еще прорывались уважительные слова, обращенные к тем “старым большевикам”, которые сумели осознать и осмыслить реалии НЭПа. Но это были толькоrudименты прошлой “романтической эпохи” в политическом спектакле, организованном Сталиным и его сподвижниками. Так, один из ближайших соратников Сталина – К. Ворошилов, охарактеризовав “пятилетний план, разработанный Госпланом под руководством уважаемого и любимого Глеба Максимилиановича Кржижановского”, великолепным [Как ломали… 2000, с. 389], активно поддерживал все действия, направленные на кардинальную деформацию этого проекта.

Материалы Апрельского 1929 г. Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) продолжают и логически завершают эпопею трех Пленумов ЦК ВКП(б) 1928 г. Первые два из них (в апреле и в июле того же года) завершились победой сторонников сохранения нэповской экономики, но без персонального осуждения “чрезвычайных” методов хлебозаготовок. Это позволило Сталину перехватить инициативу. Если Ноябрьский пленум 1928 г. выявил еще равенство сил сторонников и противников НЭПа, то иная картина обнаружилась на апрельском Пленуме 1929 г.

К этому времени Московский горком партии был поставлен под контроль сталинского окружения, были отстранены от работы многие единомышленники А. Рыкова, Н. Бухарина, М. Томского в партийных и профсоюзных органах. Например, 92 сторонника председателя ВЦСПС Томского, голосовавших на VIII съезде профсоюзов против

кандидатуры верного соратника Сталина – Л. Кагановича, были сняты со своих постов или вынуждены покаяться [Как ломали... 2000, с. 12].

Не менее важным стало и то, что в период с июля 1928 г. мощной идеологической обработке подверглись партийные функционеры. В нашем распоряжении нет конкретных документов о формах и методах сталинского воздействия на аппаратчиков. Вместе с тем анализ выступлений руководителей партийных комитетов различных уровней на Апрельском 1929 г. Пленуме свидетельствует: практически все они осудили встречу Н. Бухарина с Л. Каменевым, умело поданную Сталиным как сколачивание антипартийной фракции. Роковым для большевистской элиты оказался и вопрос о “классовой борьбе”, переведенный сталинцами из плоскости теоретической конструкции в разряд важнейшего политического действия. Искусственно раздуваемый Сталиным лозунг “обострения классовой борьбы” фактически блокировал опыт сохранения НЭПа во всей стране, наработанный большевистскими лидерами в 1920-е гг.

Зимой–весной 1929 г. конфликт в руководстве ВКП(б) достиг апогея. Из доклада Бухарина в день пятой годовщины смерти В. Ленина (21 января 1929 г.), сделанного на собрании московского партактива в присутствии высшего руководства, включая членов Политбюро (и опубликованного всеми центральными газетами), следовало, что курс сталинского руководства все больше расходится с “ленинским завещанием”. Бухарин фактически предал гласности содержание внутрипартийной борьбы, которое сталинское руководство всеми средствами скрывало. Стержнем заявления Бухарина был решительный протест против внутрипартийного режима, разрушающего “коллективное руководство” [Как ломали... 2000, с. 5].

Это выступление до сих пор вызывает немало вопросов. Так, в предисловии к четвертому тому фундаментального издания “Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.” содержится спорное, на мой взгляд, утверждение, что «“правые” отказались от борьбы за корректировку курса сталинского большинства, выступив с собственной политической платформой» [Как ломали... 2000, с. 5]. Существует по меньшей мере три обстоятельства, не позволяющие согласиться с таким утверждением.

Во-первых, все трое членов Политбюро, произвольно отнесенных сталинцами к “правым” коммунистам, в своих развернутых выступлениях раз за разом обращались к коллективному разуму членов ЦК. Верность документам XV съезда партии, трех Пленумов ЦК ВКП(б) 1928 г., основам Первого пятилетнего плана не вызывали сомнений в стремлении “правых” сохранить прежний (нэповский) курс ВКП(б). Проблема заключалась в том, что критике не подвергся один из важнейших доводов Сталина на Пленуме ЦК в апреле 1929 г.: о начале “принципиально нового этапа советской истории”. Это открытие Сталина носило чисто пропагандистский характер: генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не привел никаких статистических данных, свидетельствующих о наличии “серезного движения миллионных масс крестьянства в пользу колхозов или совхозов”, о “наличии целых слоев крестьянства, глядящих на совхозы и колхозы как на источник помощи крестьянскому хозяйству семенами, улучшенным скотом, машинами, тракторами”, о создании индустриальной базы для сельского хозяйства, усиленного снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами и т.д. (см. [Как ломали... 2000, с. 481–482]).

Впервые за 1920-е гг. участники Пленума ЦК ВКП(б) подвергались такому массированному социально-политическому обману. Даже оговорившись, что эта самая индустриальная база лишь *создается* у нас ускоренным темпом, Сталин, тем не менее, сделал столь же революционный, сколь и необоснованный вывод о “создании в последнее время условий, необходимых для массового развития колхозов и совхозов” [Как ломали... 2000, с. 482]. Не заметившие такого “переломного момента” сторонники сохранения прежнего (нэповского) курса ВКП(б) автоматически попадали под категорию “схоластов”, оппортунистов и в конечном итоге – в число антипартийных оппозиционеров [Как ломали... 2000, с. 483].

Во-вторых, несмотря на пропагандистское давление и кадровые чистки, ряд участников Пленума ЦК ВКП(б) все-таки выступили против радикального поворота политического курса, предпринимаемого Сталиным. Так, Е. Куликов – член ЦК, член правления

Центросоюза (в 1925–1928 гг. ответственный секретарь Замоскворецкого райкома партии Москвы) заявил, что Бухарин, Томский и Рыков “всегда стояли и стоят на позициях усиленного темпа развития социалистического сектора... Кто не знает, что эти товарищи стоят за развитие тяжелой индустрии, за развитие колхозов и совхозов; кто не знает, что эти товарищи стоят на принципах наступления на капиталистические элементы?”. Он назвал правильным курс на стимулирование развития индивидуального крестьянского бедняцкого и середняцкого хозяйства, позволяющий иметь “больше товарного зерна, чтобы мы действительно обеспечили рабочих и беднейших крестьян хлебом, а фабрики и заводы сырьем, и не питались бы теорией неминуемо возрастающих трудностей при дальнейшем строительстве социализма; чтобы мы на основах ленинского НЭПа, а не систематических чрезвычайных мер и фактов восстания в стране укрепляли бы союз рабочего класса с крестьянством, укрепляли бы диктатуру пролетариата” [Как ломали... 2000, с. 228]. Такой курс не имеет ничего общего с “правым уклоном”, заключил Куликов.

В. Кото – член коллегии Наркомтруда СССР (в 1925–1928 гг. секретарь Московского горкома партии) обратил внимание членов ЦК и ЦКК на “двуличную кадровую политику Сталина” [Как ломали... 2000, с. 95–98]. В выступлении Е. Розита (члена ЦКК) прозвучала резкая критика в адрес генерального секретаря ЦК ВКП(б): «Вы, товарищ Сталин, стараетесь утверждать, выдавать за действительность свою ложную, неправильную, антиленинскую “теорию дани”, вы, вслед за кулаками, называете переплаты крестьянства данью, а либералом вы стараетесь изобразить Бухарина, это ложь, это в корне неверно, неправда, Вам словами не удастся замазать той действительности, которая существует: Бухарин – лучший теоретик в нашей партии и Коминтерне» [Как ломали... 2000, с. 287].

В-третьих, не только в принятом на Пятом съезде госпланов СССР (7–14 марта 1929 г.) *Проекте пятилетнего плана* еще сохранялся курс, позволяющий решить многие задачи индустриальной модернизации на основе сохранения нэповской многоукладной экономики [Проблемы... 1929]. Чертты научности и сбалансированности были присущи и принятому в мае 1929 г. Первому пятилетнему плану. “Правым” было что защищать! *От леворадикальной ревизии защищался государственный курс советской страны.*

К сожалению, здравомыслящих выступлений на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) было не столь много. Уже в докладе секретаря партколлегии ЦКК Е. Ярославского о “внутрипартийном положении”, открывавшем работу Апрельского (1929 г.) Пленума ЦК Бухарину, Рыкову и Томскому были брошены обвинения в антипартийном поведении: “Мы обвиняем их в нелояльности по отношению к партии, по отношению к Политбюро ЦК. Мы обвиняем их в том, что они дискредитируют партию своими закулисными переговорами с недавними деятелями реакционной организации троцкистов и прикрывают эти переговоры. Мы обвиняем их в том, что они выступают с платформенными заявлениями, свидетельствующими об их отходе от партийной линии и скатывании на линию правых оппортунистов. Мы требуем от них немедленного подчинения всем решениям партии, выполнения всех поручений партии” [Как ломали... 2000, с. 45]. Тон работы Пленума был задан: на первый план вышли не обсуждение проблем вынесенного на предстоящий Пятый съезд Советов пятилетнего плана, а критика “попыток деформации сбалансированного курса экономического развития”, преподносимой как “нападки на генеральный курс партии”, предпринятой предсовнаркомом Рыковым и его единомышленниками.

Подавляющую часть доклада Ярославского составляло обличение беседы Бухарина с Каменевым. Встреча двух многолетних соратников Ленина по революционному движению и членству в Политбюро квалифицировалась как грубое нарушение партийной дисциплины. Доклад Ярославского изобиловал перечислением резолюций столичных и провинциальных комитетов ВКП(б), осуждающих действия “правых”. Схожесть текстов резолюций, принятых за два–три дня до Пленума ЦК, подтверждает вывод авторов предисловия к цитируемому мной сборнику документов о том, что Секретариат ЦК под руководством В. Молотова организовал соответствующие резолюции с мест, которые затем были использованы в ходе Апрельского Пленума [Как ломали... 2000, с. 11].

Наиболее радикально звучала резолюция Уральского обкома партии от 14 апреля 1929 г.: «Пленум считает, что тт. Бухарин и Томский грубо нарушили волю партии и не могут дальше оставаться на занимаемых ими постах. Пленум обкома ставит перед объединенным пленумом ЦК и ЦКК вопрос о необходимости снятия т. Бухарина с руководящей работы в “Правде” и Коминтерне и т. Томского с работы председателя ВЦСПС» [Как ломали... 2000, с. 43]. И хотя после цитирования этих резолюций Ярославский отметил заслуги Бухарина, Рыкова, Томского (“мы работали с этими товарищами в течение десятков лет и убеждены в том, что мы будем работать вместе с ними и дальше”), их пребывание в руководстве партии зависело теперь только от покаяния и полного отречения от своих взглядов [Как ломали... 2000, с. 45].

Доклад Ярославского наглядно демонстрировал те черты внутрипартийной жизни, которые (по нарастающей линии) станут типичными и ритуальными на последующие четверть века. Позиция Сталина отожествлялась с позицией ЦК и партии в целом. Stalin рассматривался как наиболее последовательный и верный продолжатель дела Ленина. Критические замечания в адрес Сталина автоматически приравнивались к проявлению антипартийного оппортунизма.

После такого доклада секретаря партколлегии ЦКК были заданы жесткие параметры дальнейших выступлений. Показательной можно считать речь П. Постышева, секретаря Харьковского окружкома и горкома КП(б) Украины. Как и подавляющее большинство партийных и хозяйственных руководителей Украины, на трех Пленумах ЦК ВКП(б) 1928 г. Постышев показал себя противником “чрезвычайных мер”. Выступая же в первый день работы Апрельского Пленума ЦК ВКП(б), сразу после доклада Ярославского, он заявил о принципиальной верности Сталину и сталинскому курсу. Отметив, что любые попытки “натравить партию на Сталина” окажутся безуспешными [Как ломали... 2000, с. 46], Постышев тем самым внес свой вклад в создание образа “непогрешимого вождя”, а также сгустил краски в оценке беседы Бухарина с Каменевым: “Бухарин сделал величайшее преступление перед партией, когда пошел к вчерашним троцкистам и возвел на партию величайший поклон” [Как ломали... 2000, с. 47].

Не менее показательной стала речь рабочего-металлурга из Лысьвы Г. Жданова, члена ЦКК. Начав с внешне наивного заявления: “Мне помнится на прошлом, ноябрьском Пленуме, как будто, мы были все единодушны. И только надо было бы работать и дальше” [Как ломали... 2000, с. 47], Жданов смог разглядеть во внутрипартийной дискуссии только одно: “...в трудный момент нашей работы в период строительства социалистического сектора, как промышленности, так и сельского хозяйства, эти товарищи (Бухарин, Рыков, Томский) расписались в своем бессилии” [Как ломали... 2000, с. 48]. “Бессилие” рабочий из небольшого уральского города выводил из лживого пропагандистского утверждения сталинцев, что, дескать, “правые” стремились уменьшить темп развития тяжелой индустрии, дать кулаку возможность обогащаться в деревне и т.д. После такого обличения закономерен и вывод: “Мы разделались с троцкистами, партия в целом разделяется и с вами, если вы не подчинитесь и не признаете своей ошибки” [Как ломали... 2000, с. 49]. “Слова пролетария” подхватили представители среднего звена партийных работников, заявивших, что “предложения правонастроенных товарищей принципиально идут вразрез с линией рабочего класса” и вызывают “возмущение, охватывающее каждого устойчивого партийца” [Как ломали... 2000, с. 50].

В создавшейся уже в первый день работы Пленума соответствующей расчетам Сталина политической атмосфере многое зависело от четкости аргументов “правых”. Однако полуторачасовой доклад Томского излагал в основном историю конфликтов в Политбюро. Обоснованность доводов Томского могла быть услышана еще несколько месяцев тому назад. Но две крупные политические ошибки: встреча Бухарина с оппозиционером Каменевым, а также отрицательно воспринятая в партии попытка отставок трех членов Политбюро со своих постов не позволили участникам партийного форума принять любые аргументы главы ВЦСПС. Это явно продемонстрировала последующая за выступлени-

ем Томского речь С. Косиора. Генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, еще недавно активно выступающий за сохранение многоукладной экономики, произнес как приговор: “...думаю, что выражу мнение подавляющего большинства пленума, если скажу – речь тов. Томского вызвала величайшее удивление и возмущение подавляющего большинства присутствующих в зале” [Как ломали... 2000, с. 84].

Схема выступления членов Пленума была достаточно стандартна: осуждение позиции “правых”, указание на непонимание ими новизны момента; цитирование высказываний Сталина как выдающегося теоретика; небольшие вкрапления местного материала о “массовой поддержке трудящимися” курса на свертывание нэповской экономики. Так, ставший в ноябре 1928 г. первым секретарем Московского городского комитета партии Н. Бауман сообщил: “...руководящую верхушку МК и секретарей райкомов мы снимали по требованию самих организаций”, что вызвало саркастические замечания бывшего лидера московских коммунистов Н. Угланова [Как ломали... 2000, с. 99].

При заметной стандартизации выступлений многих членов ЦК и ЦКК особый интерес представляют речи без прямого “обличительства”. К ним следует отнести прежде всего выступление С. Сырцова, секретаря Сибирского крайкома ВКП(б). Он указал на длительность внутрипартийной дискуссии с Апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., при этом не называя ни одну из сторон оппортунистами. “Мне кажется, что уже Апрельский пленум Центрального Комитета прошлого года отличался теми элементами, которые вносили разнобой в партию, которые сеют известную тревогу в партии”. Весьмадержанно из его уст прозвучали оценки ошибок “правых”. Так, характеризуя теоретическую деятельность Бухарина, Сырцов отметил, что *отдельные части* бухаринских “Заметок” “давали возможность правым элементам партии приспособлять их для своих надобностей”, а «вопросы наступления на кулачество трактовались и освещались где угодно, но только не на страницах “Правды”» [Как ломали... 2000, с. 107–112, 107, 108]. С учетом того, что Сырцов вообще не коснулся темы “встречи Бухарина и Каменева”, это был максимум возможного для дисциплинированного функционера высокого ранга.

Сдержанность присутствовала и в оценке Сырцовыми работы председателя ВЦСПС. Он отметил: “...на съезде профсоюзов (в декабре 1928 г.) многие далеко не лучшие элементы профдвижения работники профбюрократического склада получили возможность организоваться вокруг если не линии, то того тона, который взял Томский”. Вместе с тем фраза Сырцова о прозвучавшей на съезде профсоюзов “казенной оптимистической оценке положения и руководства профсоюзов” явно расходилась с официальными представлениями о связях правящей партии и профессиональных союзов. Тем не менее, сумев избежать участия в травле своих старых товарищей по партии, Сырцов четко продемонстрировал то слабое место, которое присутствовало даже у здравомыслящей части большевистской элиты 1920-х гг., – это устоявшаяся ненависть к частному капиталу, прежде всего к кулачеству. Приглушенная в годы НЭПа, она была искусственно раздута и усиlena Сталиным и его единомышленниками. “На опыте нашей сибирской практики, – заявил секретарь Сибирского крайкома, – я утверждаю, что сибирское кулачество, или, во всяком случае, его значительная часть, в своем хозяйственном развитии дошла до таких пределов – размеры накопления кулачества таковы, что логикой своего хозяйственного развития и логикой классовых отношений кулачество неизбежно толкается на то, чтобы ломать советские хозяйствственные и политические рамки”. Высказанные мысли были близки и понятны многим большевикам, а по верному замечанию авторов предисловия к данному сборнику, Stalin не только генерировал, но и улавливал настроения тех масс партийных чиновников и активистов, которые продолжали мыслить категорическими императивами периода гражданской войны, – “кулак был и остается врагом, которого надо добить” [Как ломали... 2000, с. 108, 109, 11].

В апреле 1929 г. подобные идеологические конструкции еще маскировались. Так, у секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича фрагмент речи с призывом к повторению комбедовских методов хлебозаготовок соседствовал с заявлением, что “извращений много, но пы-

таться доказывать, что эти отдельные извращения – это система разверстки, говорить о разверстке – глупость и чепуха” [Как ломали… 2000, с. 122].

Попытка сторонников “правых” (Угланова) перевести дискуссию в конкретную плоскость натолкнулась на такое количество провокационных реплик сталинцев, что заставила недавнего лидера московских коммунистов отвечать на бросаемые ему обвинения и перейти к оборонительной тактике. Но и в такой наэлектризованной атмосфере Угланову удалось произнести слова, которые не могли не запомниться партийной эlite весны 1929 г.: “...отсечение Рыкова, Томского и Бухарина поведет, несомненно, к ослаблению руководства нашей страной и международной революцией. Удар по этим товарищам поведет к осуждению теоретической мысли в нашей партии... Тов. Ленин говорил, что тов. Бухарин не только ценнейший теоретик партии, но считается законнейшим любимцем нашей партии” [Как ломали… 2000, с. 150].

Корректировать свою речь на ходу приходилось и Бухарину при ответах на “колючие” реплики сторонников Сталина. Но и в такой ситуации свои главные мысли Бухарин сумел донести до аудитории. Во-первых, заявил он, в центре работы Пленума должен быть вопрос о пятилетнем плане народного хозяйства, плане социалистической индустриализации нашей страны. Этому плану не может быть альтернативы; ему не будет никакой оппозиции. Ни реальной, ни надуманной. Во-вторых, реализация пятилетнего плана возможна только при сохранении рыночных отношений: “Форма рыночной связи будет у нас существовать еще долгие и долгие годы. Отсюда вытекает вот что: если развитие социализма идет через рыночную связь, через рыночный товарооборот между городом и деревней, значит основная линия нашей смычки в нашем хозяйстве – рыночная и наша ведущая экономическая роль должна идти через рыночные отношения, то есть через развертывание товарооборота”. В-третьих, развитие рыночных отношений на научных принципах осуществляется государством. Воздействие речи Бухарина на участников Пленума было неоднородным, ибо сразу прозвучала реплика Сталина: “Верно, но при преодолении капиталистических элементов” [Как ломали… 2000, с. 151, 166, 172].

Итак, формальное сохранение курса новой экономической политики, по Сталину, должно было сочетаться с ликвидацией важного сегмента в экономике вообще и основообразующего – в сельском хозяйстве. В то же время заметно снизился накал обвинительных выступлений. Так, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И. Зеленский призвал к сохранению единства партийного руководства, но при признании сталинской линии как безальтернативной и отказе от критических замечаний в адрес генеральной линии партии. Безальтернативным казался Зеленскому и путь ускоренной организации колхозов и совхозов, поскольку “мелкое хозяйство не дает нам достаточных товарных излишков, и в системе мелких разрозненных хозяйств мы не можем иметь значительного товарного фонда, значительной товарности и мы не можем создать условий для быстрого подъема крестьянского хозяйства” [Как ломали… 2000, с. 196, 200]. Замечу, что участникам Пленума были известны и иные варианты решения этой проблемы, изложенные, например, в вариантах Первого пятилетнего плана (см. [Эрлих 2010]).

Мысли Зеленского повторил и М. Калинин. Речь “всесоюзного старосты” изобиловала простоватыми шутками, вызывавшими дружный смех присутствующих, фигурами речи, вроде “вряд ли можно найти более настойчивого борца, чем я, за поднятие индивидуального крестьянского хозяйства”. Но в конце своего “веселого” выступления Калинин произнес именно то, что от него ожидало большинство членов Политбюро: “...необходимо самое решительное укрупнение сельского хозяйства, нам необходима коллективизация. Без нее мы хлебных продуктов в наших условиях не получим в том размере, в котором это требуется для социалистического развития” [Как ломали… 2000, с. 206].

Обвиняя “правых” в сопротивлении форсированной коллективизации и желании сохранить “невероятнейшее распыление нашего крестьянского хозяйства”, сторонники Сталина, казалось, использовали беспрогрышное средство. Обстановка на Пленуме вновь обострилась, когда секретарь Уральского обкома И. Кабаков, заявив, что “Бухарин

и Томский мобилизовали всю свою силу ума, весь арсенал острот, весь сарказм, и все это направили против единства руководства Центрального Комитета и против генерального секретаря ЦК товарища Сталина”, потребовал освобождения отступников от руководящих постов [Как ломали... 2000, с. 217, 219].

Однако в апреле 1929 г. верность Сталину демонстрировали главным образом партийные функционеры. Иную позицию занимали многие члены советского правительства. Так, в выступлении В. Шмидта (в 1923–1928 гг. наркома труда СССР, в 1928–1930 гг. заместителя председателя Совета народных комиссаров (СНК) и Совета труда и обороны (СТО) СССР) были отвергнуты обвинения “правых” в стремлении утвердить несбалансированный бюджет на 1928–1929 гг. Путь использования экономических инструментов (например, повышения акцизов на алкоголь) позволил минимизировать превышение расходов над доходами. Шмидт обратил внимание на нерациональность практики вмешательства ЦК в вопросы, в государственном порядке закрепленные за советскими органами [Как ломали... 2000, с. 220, 221].

Но и среди наркомов СССР в апреле 1929 г. уже имелись сторонники Сталина. К наиболее рьяным из них на тот момент следует отнести А. Микояна – в 1926–1930 гг. наркома внешней и внутренней торговли СССР. Среди множества претензий, брошенных Микояном в адрес “правых”, доминировало обвинение в допустимости модернизации сельского хозяйства не только через колхозификацию. По его категорическому мнению, только колхозы могут быть “главной магистралью, столбовой дорогой”, главным путем, по которому крестьянство придет к социализму, поглотившим все остальные виды кооперации. Stalinский нарком угрожающе заявил: «...вся партия ощетинилась против этой группы (“правых”) и против ее линии» [Как ломали... 2000, с. 259, 260].

Даже притом, что на Апрельском Пленуме 1929 г. у Сталина имелось гарантированное большинство из представителей партийных руководителей с мест, прекрасно знавших, как легко аппарат ЦК тасует кадры, ход ожесточенной многодневной дискуссии далеко не был однозначным. Тем более значимым и знаковым стало предательство одного из наиболее активных сторонников Бухарина на Пленумах ЦК 1928 г. А. Стецкого – в 1926–1930 гг. заведующего агитпропотделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и Ленинградского губкома. Уже в начале своей речи Стецкий выдвинул обвинение “правым”: частный разговор Томского и его единомышленников о возможности смещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК был подан как фракционный заговор; тенденция в пятилетнем плане на увеличение доли госсектора представлена как необходимость курса на ликвидацию частного сектора. Наконец, по заявлению Стецкого, развитие рыночных отношений должно отмирать по мере приближения к социализму [Как ломали... 2000, с. 15, 276, 278–281].

Речь Стецкого продемонстрировала хрупкость не только сохранения человеческого потенциала отдельно взятого большевистского управленца в условиях авторитарного режима, но и самой большевистской идеологии, балансирующей между рациональностью и утопией; зависимость коммунистов правящей партии от марксистских установок и воздействия определенных кодовых слов (классовая борьба, частный сектор, генеральная линия партии и т.д.). Для многих участников партийного форума слова Стецкого были своеобразным указателем границ диапазона возможного поведения члена ЦК и ЦКК.

Именно эти термины и составили основу выступления секретаря ЦК Молотова. Он видел дальнейшее развитие страны в “выкорчевывании корней капитализма не только в городе, но и в деревне”, а главную вину “правых” усмотрел в “обхождении вопроса о классовой борьбе, борьбе с кулаком”. Критику курса Сталина секретарь ЦК определил как “недопустимую”, поскольку “товарищ Stalin ни разу не расходился с генеральной линией партии”. В то же время, по оценке Молотова, деятельность ученых и специалистов (“госплановских спецов”) по формированию пятилетнего плана явно расходилась с “генеральной линией” [Как ломали... 2000, с. 295, 302, 282]. Собственно говоря, самый

верный соратник Сталина выдал секрет Полишинеля: наука и генеральная линия партии весной 1929 г. не совпадали!

Выступление председателя СНК А. Рыкова состоялось в пятый день работы Пленума, когда очевидность перехода большинства членов ЦК и ЦКК на сторону Сталина не вызывала сомнений. Тем большего уважения вызывает фактически “последнее слово” руководителя советского правительства, ставшее развернутым изложением взглядов здравомыслящей части партийного руководства. По мысли Рыкова, жесткая дисциплина партии с централизованным руководством вполне может сочетаться с возможностью дискуссий в руководящем звене. “Между единством партии, коллективным руководством партией и борьбою мнений в Политбюро и в Центральном Комитете противоречий нет, если все члены руководящих органов проводят принятые решения независимо от того, остались они в большинстве или меньшинстве”. Предупреждением о грозящей опасности установления диктатуры одного “вождя” стали следующие слова председателя СНК: “Если мы по крупнейшим вопросам политики и жизни партии не будем в ЦК и в Политбюро спорить откровенно, со всей резкостью и решительностью, то это будет означать, что по этим вопросам спорят и их решают где-то в другом месте” [Как ломали… 2000, с. 317, 316].

Обосновав надуманность обвинений, предъявленных “правым” как к “вредителям”, врагам социалистической индустриализации, Рыков вновь изложил суть разногласий с группой Сталина: система “чрезвычайных мер”, для которых непрерывно на протяжении ряда лет, не только разрушает НЭП. При этом неизбежно создается специфическая идеология, возводящая их в “закон нашего развития”, отрицающая закономерности и само существование товарно-денежных отношений. Когда внезаконные меры и насилие, заявил Рыков, становятся основой политики государства в деревне, когда запрещается вольная рыночная торговля, – это означает, что партия отказывается от решений XV партийного съезда, от курса НЭПа, от избранного пути социалистического строительства [Как ломали… 2000, с. 318, 328, 330–331], поскольку “новая экономическая политика” есть именно тот путь, “по которому твердо идет партия, и через который только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны”.

Ресурсы для нового этапа индустриализации, подчеркивал Рыков, могут и должны быть найдены за счет усиления экономического оборота между городом и деревней, подъема сельского хозяйства, систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплуататорских стремлений, с одной стороны, и с другой – путем всемерной и всесторонней поддержки кооперирования широких масс крестьянства, всех видов колхозного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство [Как ломали… 2000, с. 343]. Стоит отметить, что участники Пленума не могли не знать: конкретные цифры внутренних финансовых ресурсов экономики Советского Союза в конце 1920-х гг., были изложены в материалах пятого Съезда советов госпланов СССР (7–14 марта 1929 г.) [Проблемы… 1929].

Речь Рыкова не могла изменить ход работы Пленума ЦК и ЦКК по утвержденному заранее сталинскому сценарию, но она все-таки оказала определенное воздействие на сознание тех, кто еще год назад выступали в качестве противников “чрезвычайных мер”. К примеру, кандидат в члены Политбюро, председатель СНК Украины В. Чубарь, назвавший Рыкова и его единомышленников, ни много ни мало, как “оформившимися правыми уклонистами, которые ведут партию или стремятся партию вести на линию буржуазии против рабочего класса, против диктатуры пролетариата”, он, вместе с тем, охарактеризовал Рыкова, Бухарина и Томского “крупнейшими работниками нашей партии” и выступил против вывода их из руководящих органов. Более того, Чубарь высказался за систему мероприятий “не только в части строительства колхозов и совхозов, но и в части борьбы за повышение урожайности, то есть в деле организации сельскохозяйственного производства, не только в социалистическом секторе, но и в индивидуальном хозяйстве

[Как ломали... 2000, с. 363–364, 359]. На деле это означало сохранение многоукладной системы без каких-либо сроков. Фактически председатель СНК Украины попытался уйти от курса Сталина, ориентированного на поиск одного, универсального варианта решения проблемы. Даже призыв к исправлению ошибок, совершенных “правыми”, у Чубаря звучал иначе, чем у ярых сталинцев: без оскорбительных ноток.

Речь Сталина вечером 22 апреля, в предпоследний день работы Пленума, фактически завершала дискуссию и должна была подвести окончательную черту под прениями. В отличие от подчеркнуто спокойного тона и выдержаных по форме выступлений генсека на Пленумах ЦК 1928 г., в апреле 1929 г. Stalin уже не выбирал выражений. Критику “чрезвычайных мер” Stalin квалифицировал как измену делу партии и злостный оппортунизм, забыв о решениях партийных форумов 1928 г. Члены Политбюро, не согласные с резкой переменой политики, именовались “злостными уклонистами и паникерами, ренегатами”. Так, выступление Томского было названо Stalinным “типичной речью трет-юнионистского политика, пытающегося подменить вопросы политики политиканством”. Столь же оскорбительно генсек отозвался и о других оппонентах – членах Политбюро ЦК: “Разве не ясно, что тт. Бухарин, Рыков и Томский ничего, кроме своего пупа, не видят на свете?”. Еще грубее Stalin отвечал на критические реплики рядовых участников Пленума: “Много я видел на свете дубин, но таких – еще не встречал”. Примечательно, что подобный ответ на справедливое замечание Е. Розита о схоластичном использовании Stalinным ленинских цитат, вызвал у участников Пленума “общий смех” [Как ломали... 2000, с. 452, 460, 476]. В накаленной атмосфере Пленума это была не только нервная разрядка, но и свидетельство того, что приспособливаясь к большевистскому языку в сталинской интерпретации, участники Пленума начинали действовать по стереотипам и правилам, сформулированным вождем [Яров 2006].

Следует признать: Stalin умело использовал политические ошибки “правых”. Он увидел схематичность и нереальность их попыток объединить научно обоснованный курс XV съезда и волюнтаристскую политику “чрезвычайных мер” в одну “генеральную линию ВКП партии”... “Выходит, что на деле у нас не одна линия, а две линии, из коих одна линия есть линия ЦК, а другая – линия группы Бухарина”, – обоснованно констатировал генсек, грозя исключением из партии “правых оппортунистов”. Stalin призвал к отстранению Бухарина и Томского с занимаемых постов: «Ни товарищ Бухарин, ни товарищ Томский теперь уже не в состоянии работать с пользой для дела на тех постах, на которых они работали до сих пор. Я имею в виду “Правду”, Коминтерн и ВЦСПС. Надо снять этих товарищей с занимаемых ими постов». Угрозы отлучения от партии предназначались всем недовольным, и они были услышаны присутствующими. Резолюции Пленума осуждали не только правый уклон, но и ставили трех членов Политбюро в положение изгоев. Категорически (под страхом исключения из партии) запрещались выступления отдельных членов и кандидатов Политбюро, содержащие какие бы то ни было отклонения от линии партии и решений руководящих органов партии [Как ломали... 2000, с. 454, 455, 502, 539].

Обвинение “правых” в резолюции “По внутрипартийным делам”, принятой 23 апреля 1929 г. Объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), в “либеральном толковании НЭПа, ведущим на деле к отказу от регулирования рыночных отношений пролетарским государством”, базировалось на полном игнорировании формы и содержания того, что по этому вопросу изложил Бухарин в своем выступлении на Пленуме. Но пришло время, когда для коммунистической пропагандистской системы главным становилась не суть, а формальная логика аргументов.

Систематизация выступлений участников Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) позволяет выделить небольшую группу партийцев, решившихся на *сопротивление* леворадикализму. Это были большевики, осознавшие логику и преимущества развития НЭПа, частично преодолевшие марксистские догмы. При очевидной невозможности попыток объединить курс XV съезда и левацкую политику “чрезвычайных мер” в одну “генеральную линию ВКП партии”, “правым” удалось сохранить до осени 1929 г. идею мно-

гоукладности в пятилетнем плане; отстоять ряд научных принципов в этом документе на рубеже 1920–1930-х гг.

Значительнее оказалась часть коммунистов, которая на Пленуме попыталась *сопротивляться* наиболее оголтелым инициативам сталинцев. Положительные результаты НЭПа выработали некоторый потенциал социального иммунитета от леворадикальных действий и насилия в жизни части советских функционеров. Именно эти управленцы потребовали оставить лидеров “правых” в Политбюро, пытались перевести разговор на острые социально-экономические проблемы, стремились к сохранению НЭПа. Рационально настроенная часть советской элиты потерпела поражение в продолжительных и ожесточенных сражениях на четырех Пленумах ЦК ВКП(б) в апреле 1928 – апреле 1929 г. Позиции этой группы ослабляла устоявшаяся ненависть к частному капиталу, прежде всего к кулачеству.

Однако наиболее существенной группой участников Объединенного Пленума были конформисты. Как правило, воздерживаясь от выступлений, на протяжении восьми дней работы Пленума, они исправно проголосовали за предложенные Сталиным резолюции. Сохранив уважение к “старым большевикам”, конформисты в то же время приняли участие в их осуждении, но уже как “правых уклонистов”. Результат был очевиден: открывалось поле для дальнейшего отступления и превращения “цекистов” в управляющую массу, а заседаний Пленумов ЦК – в отрепетированный политический спектакль. Ряд участников Пленума продемонстрировали покорность любым инициативам и действиям вождя из-за сходства идеологических убеждений или из чисто карьерных побуждений. Но и это в дальнейшем не спасло “послушников” либо от гибели, либо от череды унижений и балансирования на грани физического уничтожения. Судьба Молотова – наглядное тому подтверждение [Никонов 2016].

Ничто не проходит бесследно: ход первой пятилетки, насыщенный провалами и кризисами, порождая множество противоречий между центром и регионами, ведомствами и трестами, партийными и хозяйственными структурами [Маркевич 2004], идеологическими догмами и реальной экономической практикой, заставляя вновь и вновь обращаться к опыту новой экономической политики 1920-х гг., к роли науки в развитии производительных сил, к значению хозрасчетных начал, важности подготовки квалифицированных кадров, сбалансированности всех видов ресурсов [Роговин 1994]. Официальное торжество леворадикалов в апреле 1929 г. приобретало ограниченный характер: масштаб волонтеризма сдерживал не только участие СССР в мировых хозяйственных связях; зависимость отечественной индустрии от западных техники и технологий; вовлеченность советских ученых в мировое научное пространство. Победа леворадикалов совпала с запуском рационально-научного проекта – Первого пятилетнего плана. Многоократные деформации этого плана порождали столь же многократные поиски выхода из сложившегося тупика. Опыт планирования, наработанный командой Кржижановского во второй половине 1920-х гг., не мог не трансформироваться в условиях тоталитарного режима 1930-х гг., но тем не менее, как эстафета, он был передан второму и третьему пятилетним планам [Фельдман 2007].

Реализация индустриального проекта постоянно приходила в противоречие с утопическими сторонами марксистской теории и сталинской практики, формируя кадры хозяйственников с критическим восприятием действительности [Фельдман 2011]. Кроме того, реальная жизнь советских людей в столкновении с тотальным дефицитом и постоянными лишениями создавала мотивы повседневного сопротивления, свидетельствуя, что советское общество при Сталине не было пассивным, а жило активной разнообразной и относительно независимой жизнью [Осокина 2011]. Мужественная защита новой экономической политики, отвечающей жизненным реалиям и традициям российской истории, на четырех Пленумах ЦК ВКП(б) в апреле 1928 – апреле 1929 гг. не только делает честь конкретным политическим деятелям, но спасает от *огульного* бесчестия большевизм и коммунистическую партию, советскую историю конца 1920-х гг. А НЭП, преодолев десятилетия забвения и поругания, получил восторженную оценку Дэн Сяопина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великанова О.В. (2017) Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН.
- Есиков С.А. (2010) Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН.
- Илизаров Б.С. (2011) Утопизм, новаторство и архаика в сталинском имперском строительстве (о социальном конструктивизме) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН. С. 615–631.
- Как ломали НЭП (2000) Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 4. Пленум ЦК ВКП(б). 16–23 апреля 1929. М.: Международный фонд “Демократия”.
- Красильников С.А. (2017) Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // *Quaestio Rossica*. № 4. С. 1027–1046.
- Маркевич А.М. (2004) Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН. С. 20–55.
- Модсли Э., Уайт С. (2011) Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН.
- Никонов В.А. (2016) Молотов. Наше дело правое: В 2-х кн. М.: Молодая гвардия.
- Осокина Е.А. (2011) О социальном иммунитете или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН. С. 387–404.
- Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на пятом съезде советов госпланов) (1929) М.: Плановое хозяйство.
- Роговин В.З. (1994) Сталинский неонэн: В 5 т. Т. 3. М.: б/и.
- Фельдман М.А. (2011) Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 86–95.
- Фельдман М.А. (2007) Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.): загадочная судьба и реализация // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 180–185.
- Эрлих А. (2010) Дискуссия об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Яров С.В. (2006) Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

The end of the “romantic era” (Discussion at the April (1929) Plenum of the AVCP(b) on the choice of ways, forms and methods of “socialist” modernization

M. FELDMAN*

*Feldman Mikhail – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: bld. 66, 8th March str., Ekaterinburg, 620990. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Abstract

The author of the article analyzes the dramatic events at the April (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU(b), which became the apogee of the internal party discussion of the 1928–1929. It is concluded that the Plenum, as well as the three previous ones, was a clash of two directions, factions in the ruling party, and not a struggle with the “right bias”. It is noted that, despite the defeat, the “right” managed to present its program of modernization of the country; to point out the negative consequences of the implementation of the left-wing radical course of Stalin. Identify the causes of the defeat of the supporters of the rational way of building a new society.

Keywords: Plenum, party, right, bias, collectivization, industrialization, alternative, economy, workers, planning.

REFERENCES

- Coase R., Ning W. (2016) *Kak Kitay stal kapatilisticheskim* [How China became capitalist]. Moscow: New publishing house.
- Erlich A. (2010) *Diskussiya ob industrializacii v SSSR. 1924–1928* [Discussion over industrialization at the USSR. 1924–1928]. Moscow: Delo.
- Esikov S.A. (2010) *Rossiyskaya derevnya v gody NEPa. K voprosu ob alternativnosti stalinskoy kollektivizacii (po materialam Centralnogo Chernozemya)* [Russian village in the years of the NEP: To the question about the alternative to Stalin's collectivization (according to the materials of the Central Chernozem Region)]. Moscow: ROSSPEN.
- Feldman M.A. (2011) Dve tendencii gosudarstvennoy ekonomicheskoy politiki v seredine 1930-x gg., ili Pyat' dney iz zhizni G.K. Ordzhonikidze [Two trends national economic policy in the mid-1930s, or The five days in the life of G.K. Ordzhonikidze]. *Economic history. Review*. Issue 15. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State Univ. Publishers, pp. 86–95.
- Feldman M.A. (2007) Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR (1938–1942 gg.): zagadochnaya sudba i realizaciya [The Third five-year plan of development of the USSR national economy (1938–1942): mysterious fate and realization]. *Economic history. Review*. Issue 13. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State Univ. Publishers, pp. 180–185.
- Ilizarov B.S. (2011) Utopizm, novatorstvo i arhaika v stalinskom imperskom stroitel'stve (o social'nom konstruktivizme) [Utopianism, innovation and archaic in Stalin's im-Persian construction (on social constructivism)]. *History of Stalinism: results and problems of study. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, 5–7 December 2008*. Moscow: ROSSPEN, pp. 615–631.
- Kak lomali NEP* (2000) *Stenogrammy plenumov TSK i TSKK VKP(b). 1928–1929 gg.: V 5 t., t. 4. Plenum TSK VKP(b). 16–23 aprelya 1929.* [How the NEP was broken. Stenogrammy plenumov CzK i CzKK VKP(b). 1928–1929 gg. In 5 vols, vol. 4. The Plenum of the Central Committee of the CPSU(b). 16–23 April 1929]. Moscow: Mezhdunarodniy Fond "Democratiya".
- Krasilnikov S.A. (2017) Mezdru pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskem obshhestve [Between law and punishment: work in the early Soviet society]. *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 1027–1046.
- Markevich A.M. (2004) Byla li sovetskaya ekonomika planovoy? Planirovanie v narkomatakh v 1930-e gg [Was the Soviet economy planned? Planning in the people's commissariats in the 1930s]. *The Economic history: Yearbook. 2003*. Moscow: ROSSPEN, pp. 20–55.
- Mawdsley E., White S. (2011) *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Centralniy komitet i ego chleny. 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members. 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.
- Nikonov V.A. (2016) *Molotov. Nashe delo pravoe* [Molotov. Our cause is just]. In 2 vols. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Osokina E.A. (2011) O socialnom immunitete ili kriticheskij vzglyad na koncepciyu passivnogo (povsednevного) soprotivleniya [On the social immunity, or the critical perspective on the concept of passive (casual) resistance]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezdunarodnoy nauchnoy konferencii. Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g.*, pp. 387–404.
- Problemy rekonstrukcii narodnogo khozyajstva na pyatiletie (pyatiletniy plan na pyatom s'ezde sovetov gosplanov)* (1929) [The problems of the national economy reconstruction for five years (five-year plan at the fifth Congress of Soviets of Gosplan)]. Moscow: Planovoe khozyaistvo.
- Rogovin V.Z. (1994) *Stalinskiy neonep* [Stalin's neo-NEP]. In 5 vols, vol. 3. Moscow.
- Velikanova O.V. (2017) *Razocharovannye mechtateli. Sovetskoe obshchestvo 1920-x gg.* [Disappointed dreamers. Soviet society at the 1920's]. Moscow: ROSSPEN.
- Yarov S.V. (2006) *Konformizm v Sovetskoy Rossii: Petrograd 1917–1920-h godov* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd of 1917–1920's]. St. Petersburg: European House.

© М. Фельдман, 2019